

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОПРОСА О БЫТИИ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

А. И. Иваненко

THE RENOVATION OF THE QUESTION OF BEING IN LENINGRAD ONTOLOGICAL SCHOOL

A. I. Ivanenko

Статья посвящена теме Ленинградской онтологической школы и актуальности её наработок для современной онтологии. В числе представителей этой школы рассмотрены В. П. Тугаринов (как основатель), а также П. М. Колычев и В. Н. Сагатовский (как последователи). Выделено проблемное поле Ленинградской онтологической школы: соотношение всеобщего и абстрактного, субстанции и субстрата, а также предмета и отношения. Прослежены параллели между «ренессансом онтологии» в нашей стране и возобновлением вопроса о бытии в западной философии. Отличительной особенностью Ленинградской онтологической школы является «онтологическая триада»: вещь – свойство – отношение. Обращение к наследию Ленинградской онтологической школы создает прочный фундамент для развития онтологии в нашей стране.

This paper is devoted to Leningrad ontological school (LOS). It investigates the actuality of this school for contemporary ontology. LOS is associated with such names as V. P. Tugarinov, P. M. Kolychev and V. N. Sagatovsky. The main questions studied by of LOS were: universal & abstract, substance & substrate, subject & relation. The paper focuses on the relations between renovation of the question of being in Western philosophy and “the Renaissance of ontology” in Russia. LOS maintained the so called “ontological triangle”: thing – quality – relation. It might stimulate philosophical studies in Russia.

Ключевые слов: Ленинградская онтологическая школа, бытие, онтология, онтологическая триада, метафизика, всеобщий предмет, советская философия, абстрактное, предмет, субстанция, субстрат, отношение.

Keywords: Leningrad’s ontological school, being, ontology, ontological triangle, metaphysics, Soviet philosophy, universal subject, abstract, subject, substance, substrate, relation.

Судьба онтологии в XX веке была поистине драматичной. Центральный для этой области знания вопрос о бытии, по его собственному признанию, возобновил Мартин Хайдеггер в работе «Бытие и время» [7, с. 2]. Однако общесторическая ситуация краха и дезинтеграции Германии во Второй мировой войне привели к очередной антиметафизической реакции, связанной с ростом популярности аналитической философии. Известна фраза Альфреда Айера о том, что «метафизики говорят бессмыслицу» [1, с. 71]. Обозначившийся онтологический переворот был погребен «поворотом лингвистическим» (термин Р. Рорти). Однако в недрах аналитической традиции Питер Струосон пытается реабилитировать метафизику, встав в оппозицию к крайностям номинализма [8, р. 231].

Независимо от аналитической традиции и параллельно ей происходила своеобразная «реабилитация метафизики» в советской философии. Разумеется, само слово «метафизика» при этом не использовалось, но процесс во многом был аналогичным. В целом господство в советской философии идей диалектического материализма тормозило развитие онтологии, поскольку диалектика являлась антонимом метафизики и означала по преимуществу метод познания.

Тем не менее в СССР стал возможным своеобразный «ренессанс онтологии» [2, с. 191], решающую роль в котором сыграла «ленинградская онтологическая школа». У её истоков стоял декан философского факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова Василий Петрович Тугаринов (с 1951 по 1958).

Возрождение онтологии начинается с критики антиметафизического «позитивистского уклона» в со-

ветском марксизме, представителей которого Тугаринов называл «конкретизаторами» [6, с. 85]. Почвой для онтологии, по его мнению, является логика, которой для своего нормального функционирования жизненно необходимы предельно общие понятия. Следует также отметить, что сам термин «метафизика» у Тугаринова, как и в целом в философии советского периода, продолжает сохранять негативный смысл.

Первым предельно общим понятием становится закон. Как это так – удивляется он – «законы физики, химии и т. д.» есть, а «закона вообще» [6, с. 85] нет? Это удивление напоминает недоумение Сократа: «Я искал одну добродетель, а нашел целый рой добродетелей».

Пафос этого удивления напрочь утрачен в современном философском контексте, так как абстракциям атрибут существования вообще не приписывается, поскольку они отвлечены, абстрагированы от реальных предметов. Тем не менее своя логика у Тугаринова есть. Изучение в отсутствии предмета невозможно. Если «закон» не существует, то изучение законов бессмысленно. Здесь нет софистической уловки, так как существование или факт наличия может иметь несколько онтологических уровней. Из факта существования логического (гносеологического) предмета факт существования онтологического объекта не следует, хотя определенная объективность в логическом предмете все же должна присутствовать.

Для решения этого затруднения Тугаринов обращается к Спинозистской метафизической терминологии. Нельзя сказать, что этот ход был беспрецедентным, так как первым к онтологии Спинозы в рамках русского марксизма обращается Г. В. Плеханов. Тем не менее определенный эвристичный потенциал в

этом обращении все же присутствовал. Закон существует не как субстанция или атрибут, но как отношение. Хотя само отношение немислимо без субстанции (онтологического предмета) и атрибутов (свойств).

Выделив онтологическую триаду «предмет – свойство – отношение», Тугаринов обращается к фактору партийности. Идентифицируя себя как материалиста, Тугаринов провозглашает примат субстанции (предмета) над прочими категориями онтологической триады. «Материализм, – полагает он, – необходимо связан с первенством вещей и свойств сравнительно с отношениями» [6, с. 76]. Однако дело здесь не только в партийности, но и в некоторой самоочевидности мышления, поскольку сам по себе идеализм примата субстанции не отвергает. При данном рассуждении, как и у самого Спинозы, оппозиция «материализм – идеализм» теряет свою остроту.

В дальнейшем онтологическая триада превращается в соподчиненную систему из трех групп категорий: субстанциальных (субстратных), атрибутивных и релятивных [6, с. 82 – 83]. Категория бытия относится к первой группе, но определяется через природу как её «внешнее определение». Внутренним определением природы соответственно оказывается материя. Именно здесь Тугаринов делает второй шаг к онтологии, называя привычное для советской философии словарное, ленинское определение материи «гносеологическим» [6, с. 92 – 93].

Материя для Тугаринова оказывается вполне конкретной, так как абстрактными, по его мнению, могут быть только свойства и отношения, но никак не предметы [6, с. 87]. В основе этого рассуждения лежит разграничение всеобщего и абстрактного, которое было актуальным в советской философии в ходе дискуссий о природе (объективности) идеального.

Сократ – человек, поскольку его воспринимали как индивида, имеющего пространственно-временные ограничения. Поэтому Сократ конкретен. Но как быть с человечеством? Что оно: абстракция или «всеобщий предмет»? Данные вопросы вполне укладываются в канву средневекового спора об универсалиях. И мы знаем, что сторонники реальности общих понятий уступили своим противникам, которые заложили основу научного понимания мира.

Допустим человечество представляет собой абстракцию, но на каком основании? Абстрактна ли Древняя Греция, рабовладельческий строй или афинский полис? Сам Сократ – не представлял ли он собой некоторый организм, состоящий из взаимосогласованных клеток и органов? Но ведь подобный организм представляет собой как минимум афинский полис и любая аналогичная социальная организация. Тогда критерием конкретности должна служить именно системность, целостность, т. е. способность выступать как единое целое.

Философский контекст Тугаринова и Ленинградской онтологической школы не позволяли им сделать выбор в пользу номинализма, современной формой которого следует признать аналитическую философию. Если классы выступают в роли субъектов исторического процесса, то они всеобщие по отношению к конкретному человеку, но отнюдь не абстрактны. Согласно марксистской концепции исторического мате-

риализма классы вступают между собой в динамическое взаимодействие в рамках целостности социально-экономической формации. Хотя прежний марксизм в его советском виде уже не является убедительной концепцией, тем не менее востребованными остаются некоторые его идеи – например, концепция Иммануила Валлерстайна, согласно которой, где вся современная буржуазная цивилизация – фактически все человечество – оказываются в рамках единой мир-системной целостности. Таким образом, современное человечество отнюдь не абстрактно.

После краха СССР идеи Ленинградской онтологической школы вызвали споры даже среди филологического сообщества Санкт-Петербурга. И здесь дело было не только в приверженности устаревшим идеалам. Ф. Ф. Вяккерев в статье «Идеи и концепции ленинградской онтологической школы» (1997) замечает: «Было бы неверным отождествлять понятия субстанции и субстрата. Такое отождествление происходит, когда субстанция определяется как всеобщая основа явлений, т. е. субстрат. Но, во-первых, не существует универсального субстрата как носителя атрибутов...» [2, с. 197].

Конечно, постулирование или критика существования «универсальной субстанции» или «всеобщему предмету» сродни спорам о существовании Бога, однако ранее мы продемонстрировали, что факт системности природы и общества, равно как и факт их взаимодействия может служить аргументом в пользу наличия целостности более высокого порядка. В онтологии эта целостность вполне укладывается в определение бытия, которое Тугаринов вслед за многими советскими философами отождествлял с материей.

Отношения субстанции и субстрата сложнее. Тугаринов действительно полагал, что эти слова взаимозаменяемые, хотя чаще он все же использовал категорию субстанции. Вяккерев настаивает на том, что понятие субстанции шире субстрата. Данное несогласие можно объяснить изменившимся контекстом. В советские годы господствовал материализм, который по сути редуцировал материю к её физической форме. В результате все многообразие свойств приписывалось по сути вещественному субстрату.

Критика Вяккерова исходит из противопоставления онтологии сущего и онтологии бытия, в различии которых нельзя не заметить влияния фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. С этой позиции возможны ментальные субстанции, предельно противопоставленные вещественному субстрату. Позиция Тугаринова нефеноменологична, хотя из этого, разумеется, не следует её ложность. Впрочем, стоит отметить, что в современной западной философии сформировалась устойчивая тенденция к преодолению субстанциальной онтологии, с которой нельзя не считаться.

В этой связи и под этим углом следует рассмотреть дальнейшую эволюцию Ленинградской (а теперь уже и петербургской) онтологической школы. Поскольку Тугаринов был деканом философского факультета Ленинградского государственного университета, то его идеи оказывали формирование на многих ленинградских, а затем уже и петербургских философов. Многие из них стали плодотворными авторами,

но в контексте заявленной эволюции ленинградской онтологической школы хотелось бы остановиться на двух из них: на Петре Михайловиче Колычеве и Валерии Николаевиче Сагатовском. Первый написал труд под названием «Релятивная онтология» (Санкт-Петербург, 2006), а второй – «Философские категории» (Санкт-Петербург, 2011), где активно разрабатывал понятие «коррелятивной онтологии».

Поставив под сомнение понятие универсального субстрата, последователи Тугаринова не могли не обратить свое внимание на две оставшиеся категории онтологической триады – на свойство и отношение. Скажем, можно сомневаться в существовании Бога как субстанции, но сложно ставить под сомнение существование божественного как приписываемого свойства. Равным образом дело обстоит и с обществом. Выражение «социальная субстанция» выглядит поэтической метафорой, тогда как «социальные отношения» вполне операциональное понятие.

Таким образом, Ленинградская онтологическая школа необходимо должна была подойти к вопросу: «свойство или отношение?». Собственно, работы Колычева и Сагатовского не оставляют сомнения, что выбор был сделан в пользу категории отношения (реляции). Однако поскольку ленинградская онтологическая школа не существовала изолировано в рамках советской философии, то этот вопрос был поднят в споре о природе информации, а также о бытии идеального.

Соответственно, информация, понятая как «мера порядка» (в контексте «теории информации»), является выражением категории отношения. Дальнейшая информатизация и компьютеризация общества в определенной мере предопределила (кор)релятивную онтологию П. М. Колычева и В. Г. Сагатовского.

Впрочем, в советской философии вопрос о природе информации был предметом ожесточенных споров. Информация интерпретировалась не только как порядок, но и как свойство материи. Отсюда два подхода: атрибутивный и функциональный [3, с. 130]. Если сторонники первого подхода, отождествляя информацию с идеальным, настаивали, что она является свойством (атрибутом) всей материи, то их оппоненты утверждали, что информация является «свойством самоорганизующихся систем, которое возникает на уровне жизни» [3, с. 130].

Помимо информатизации общества и распространения системного подхода, преодоление спинозистских категорий субстанции и акциденции было вызвано логикой самого советского марксизма. По сути, марксизм – это не столько онтология, гносеология или этика, сколько социальная философия, в центре внимания которой лежит понятие общества. Популярная цитата Маркса о том, что «бытие определяет сознание», относилась, прежде всего, к общественному бытию, а общественное бытие по определению есть бытие отношений.

Если при разговоре о материи еще можно предположить, что субстанцией или носителями свойств являются некоторые субэлементарные частицы, то при размышлении на тему общества данный ход не действует. Допустим, что общество состоит из сознательных индивидов, а само сознание является «свойством

мозга», тем не менее мы вряд ли согласимся с тезисом о том, что носителем социальных свойств является мозг.

Сам по себе мозг отнюдь не социален. Врожденных идей не существует, а вся т. н. «социальная субстанция» (этико-правовые нормы, духовные традиции и пр.) зиждется на межчеловеческом взаимодействии. Разумеется, общество немислимо без своих носителей – людей. Однако человек не может быть определен как материальный носитель, обладающий свойством социального. Наоборот, в советской марксистской философии сам человек определялся посредством общества – как «совокупность общественных отношений».

Сами общественные отношения в «Кратком философском словаре» 1955 года характеризовались как «отношения между людьми», что приводило к определенной тавтологии, но в целом советский марксизм представлял собой форму социального детерминизма. Иными словами, общество первичнее человека, а человек сам по себе является продуктом и эпифеноменом определенного общества.

Онтологическая триада Тугаринова испытывает определенную инверсию. «Всеобщий предмет» не может мыслиться иначе, чем некоторая целостность, внутри которой действуют определенные отношения. Сагатовский в своей работе «Философские категории» (2011) приводит точку зрения А. И. Умова (1963), согласно которой вещь представляет собой «систему свойств» [5, с. 26]. При том, что система обыкновенно определяется как отношение элементов. Категории свойства и отношения снимаются в категории функции. Впрочем, категория функции не занимала важного места в терминологическом аппарате Ленинградской онтологической школы. Сагатовский даже не посвятил ей отдельной статьи в своем «Философском словаре». Функция занимает подчиненное положение по отношению к некоторому субстрату. Например, в одном из тезисов материализма сознание рассматривается как «функция головного мозга» [3, с. 35].

В этой связи уместна критика Тугаринова Вяккеревым относительно различения субстанции и субстрата. Всеобщего или универсального субстрата быть не может, ибо это именно элемент системы, её структурное подразделение. И разумеется, в этом случае субстрат не является носителем свойств. Здесь можно привести аргумент из «Неприрученной мысли» Клода Леви-Строса, согласно которому «современная химия сводит разнообразие вкусов и запахов к пяти различно сочетаемым элементам: углероду, водороду, кислороду, сере и азоту» [4, с. 122].

Отсюда субстанция, понятая как совокупность свойств, есть именно структура и она действительно не может быть редуцированной к материальному субстрату.

Литература

1. Айер А. Язык, истина и логика // Логос. 2006. № 1(52).
2. Вьяккерев Ф. Ф. Идеи и концепции ленинградской онтологической школы // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб. Издательство СПбУ. 1997. Вып. 9.
3. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
4. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
5. Сагатовский В. Н. Философские категории: авторский словарь. 2011. Режим доступа: <http://www-terme.ru/dictionary/1071/word/vesch-svoistvo-otnoshenie> (дата обращения: 2.10.2014).
6. Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма // Избранные философские труды. Л.: ЛГУ, 1988. 344 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
8. Strawson P. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London: Routledge, 1964. 255 p.

Информация об авторе:

Иваненко Алексей Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров (СПбГТУРП), 8(812)465-42-92, iwanenkoalexu@hotmail.com.

Alexey I. Ivanenko – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at St.-Petersburg State Technological University of Plant Polymers.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2014 г.